

Глеб Коломиец

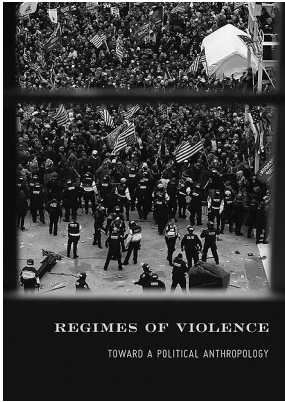
Философская ода к радости

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_322

Protevi J. *Regimes of Violence: Toward a Political Anthropology.*

Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2025. — XXVIII, 230 p.

Имя американского философа Джона Протеви, автора книги «Режимы насилия: по направлению к политической антропологии», мало известно российскому читателю, поэтому сперва несколько слов о нем. Начав образование в области медицинской реабилитации в 1970-х гг. (что выразилось в долговременном интересе к наукам о жизни), Протеви перешел на философский факультет Пенсильванского университета, а затем защитил диссертацию «Экономика времени: Хайдеггер и Деррида об Аристотеле, времени и метафизике» (1990) в Университете Лойолы в Чикаго. После этого Протеви занял временную преподавательскую позицию в Уорикском университете (Великобритания), где познакомился с группой исследователей философии Жюль Делёза. Влияние Делёза и делёзианцев, в частности Мануэля Деланда, позволило Протеви, по его словам, соединить интересы к телесности, политике и науке, выйдя за пределы круга проблем, поставленных Жаком Деррида и Мартином Хайдеггером.

В конце 2000-х гг. Протеви получил постоянную позицию на кафедре франкофонных исследований (*French studies*) в Университете штата Луизиана и проработал там вплоть до выхода на пенсию в 2025 г. Вышедшая тогда же книга «Режимы насилия» подводит итоги его исследовательской деятельности и соединяет темы, к которым он обращался в других работах. Она может рассматриваться как продолжение предыдущей книги Протеви «Края государства»¹, посвященной обсуждению «просоциальности» (*prosociality*) — свойственной людям предрасположенности к эмоциональному инвестированию в социальные паттерны, которое и обеспечивает их воспроизводство. В «Режимах насилия» автор также опирается на свои работы «Политическая физика» и «Политический аффект»², посвященные так называемым политическим телам (*bodies politic*), производство которых обеспечивается взаимодействием соматического и социального в обход человеческой субъективности³. Философский проект Протеви, таким образом, разворачивается вокруг обсуждения того, как «различные социальные системы создают и делают необходимыми различные когнитивные и аффективные структуры в людях, населяющих эти системы»⁴.

- 1 Protevi J. *Edges of the State*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2019.
- 2 Protevi J. *Political Physics: Deleuze, Derrida, and the Body Politic*. New Brunswick: Athlone Press, 2001; *Idem*. *Political Affect: Connecting the Social and the Somatic*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009.
- 3 См.: Protevi J. *Political Affect*. P. XII.
- 4 Цитата из интервью: *Machinic Unconscious Happy Hour. John Protevi — Regimes of Violence // YouTube*. 2025. 22 апреля (URL: https://www.youtube.com/watch?v=RY_6S_DPuzU).

Это позволяет говорить о близости проекта Протеви к теориям и темам, актуализированным аффективным поворотом в гуманитарных и социальных науках⁵. Здесь уместно обратиться к генеалогии аффективного поворота, предложенной Донованом Шефером: он считает, что обращение исследователей к аффекту, с одной стороны, опирается на «делёзианский диалект», сформировавшийся под влиянием ключевого эссе Брайана Массуми «Автономия аффекта»⁶, а с другой — продолжает развитие концепций психолога Сильвена Томкинса, полученное в работах таких исследовательниц, как Ив Сэдзвик и Сара Ахмед⁷.

Бэкграунд и теоретические установки Протеви позволяют локализовать его идеи на линии аффективного поворота, исходящей от Делёза. Дело не только в том, что Протеви много его цитирует; в «Режимах насилия» присутствует, во-первых, трактовка аффекта как канала связи между социальностью и телесностью, нередко пролегающего на периферии сознания или за его пределами⁸, а во-вторых — разделение методологических стратегий анализа аффекта и коммуникации⁹. Кроме того, Протеви, как и Массуми, использует стратегию познания, которая связывает идеи из разнородных областей — философии, эволюционной психологии, теории развивающихся систем, нейронауки, когнитивной психологии и др. В то же время Протеви не придерживается введенного Массуми различения аффекта как спонтанной, отделенной от прагматического контекста деятельности тела, с одной стороны, и эмоции как качественного определенного переживания, присвоенного сознающим субъектом, — с другой¹⁰. Поскольку он опирается на язык и методы теории сложных систем (с. XIV)¹¹, постольку в его понимании аффект предстает как качественно определенная деятельность (человеческого) тела, выражающаяся во взаимодействии множества разнородных элементов, распределенных между организмом и окружающей средой. Поэтому можно сказать, что Протеви продолжает делёзианскую линию аффективного поворота независимо от Массуми, опираясь на сходный круг методологических установок и теоретических источников, но при этом стремится описать аффект в непротиворечивых терминах.

В заключении к «Режимам насилия» Протеви вспоминает предисловие Мишеля Фуко к американскому изданию «Анти-Эдипа» Делёза и Гваттари. Фуко называет эту книгу «введением в нефашистскую жизнь», направленным на борьбу с фашизмом, «который отпечатался во всем нашем поведении», то есть с бессознательной установкой, которая «заставляет нас любить власть, желать именно то, что господствует над нами и эксплуатирует нас»¹². И «Режимы насилия», с точки зрения их общего замысла, направлены на прояснение способов функционирования

5 См. о нем: *Кобылин И.И., Николаи Ф.В.* Нужен ли историкам «поворот к аффекту»? // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 37–48.

6 *Массуми Б.* Автономия аффекта / Пер. с англ. Г.Г. Коломойца // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 110–133.

7 См.: *Schaefer D.O.* The Evolution of Affect Theory: The Humanities, the Sciences, and the Study of Power. Cambridge: Cambridge University Press. 2019. P. 1–2, 4–5.

8 См., например, анализ (полу)бессознательных реакций в состоянии «неистойвой ярости» (с. 58–64).

9 Например, при интерпретации молитвы, произнесенной участником движения *QAnon* Джейкобом Чейнсли при захвате Капитолия сторонниками Дональда Трампа 6 января 2021 г. (с. 138).

10 См.: *Коломиец Г.Г., Безгина К.М.* Аффективная телесность и травма в теориях Брайана Массуми, Зигмунда Фрейда и группы «Кобра» // Технологос. 2023. № 3. С. 26–38.

11 Ср.: *Protevi J.* Political Affect. P. 12.

12 *Фуко М.* Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Д. Кралечкина; под науч. ред. В. Кузнецова. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 8.

этого «микрофашизма» (термин Делёза и Гваттари), который при определенных социальных условиях может играть ведущую роль в формировании наших политических тел (с. 161–162).

Центральным моментом этого процесса, по мнению Протеви, становится производство аффектов. Разделяя и развивая спинозистскую трактовку аффекта как способа повышения и снижения способности тел к действию, Протеви отмечает (вслед за Делёзом), что социальное угнетение тесно связано с подавлением нашей активности посредством деактивирующих аффектов¹³. Но иногда даже радость может снижать нашу способность действовать: фашистская радость, по замечанию Протеви, рождается из актов десоциализации, которые нарушают способность действующего и претерпевающего воздействие вступать в отношения, ведущие к взаимному усилению способности действовать (с. XII). Иными словами, на социально-политическом уровне аффект может быть действенным механизмом как производства, так и разрушения социальной ткани, как сплочения, так и разъединения людей. Поэтому анализ аффектации в политическом контексте должен показать пути не только к эмансипации, но и к пробуждению (творческой) активности общества в целом, наметить подходы к «политике радости» (с. 162).

Одно из препятствий на пути к последней — общераспространенное представление о «ленивой, жестокой или “примитивной” природе человека <...>, которую держит в узде внедренный культурой когнитивный контроль, направленный сверху вниз (успешно усвоенный некоторыми и навязанный другим с помощью институтов принуждения)» (с. 3). Такое пессимистическое восприятие человеческой природы не только в широком политическом дискурсе, но и в науках о человеке, по мнению Протеви, мешает политическим преобразованиям, которые основывались бы на идеях взаимной заботы и самоорганизации. Исходя из этого, автор «Режимов насилия» ставит перед собой цель найти теоретические и эмпирические основания концепции человека, которая бы показывала, что насильственные, «примитивные» импульсы человека изначально являются элементами сложных систем производства социальности и аффективности, фундаментально опирающихся на кооперацию и взаимную поддержку. Проще говоря, Протеви надеется показать, что жестокость не судьба человека и что множество практик человеческого общежития, в том числе в его догосударственных формах, оставляют возможности для построения минимальных режимов насилия и сообществ, основанных на кооперации. Противопоставляя свою концепцию человека мейнстримному дискурсу иерархий, ограничения и контроля, Протеви все же избегает эссенциализма своих оппонентов: «Вместо того чтобы мыслить в терминах сущностей, нам следует рассуждать о природе человека в терминах того, что Делёз и Гваттари называют множествами» (с. XXIII). Протеви трактует человека не как онтологическое единство, а как набор практик, систем и процессов, воспроизводящих и преобразующих самих себя и природно-социальный контекст, в котором они осуществляются.

Центральное понятие книги — режим насилия — вводится для того, чтобы показать, как именно конструируется «ленивая, жестокая и примитивная» природа

13 Ср.: «Существует множество людей, которые могут основать свою Власть лишь на горести и скорби, на уменьшении могущества других, на затемнении мира: они поступают так, как если бы горесть была обещанием радости и уже сама по себе радостью. Учреждают культ горести, рабства, или бессилия, смерти. Только и делают, что подают и навязывают знаки горести, выдавая их за идеалы и радости, тем душам, что уже заражены их болезнью. Такова дьявольская парочка — Деспот и Священник, грозные “судьи” жизни» (Делёз Ж. Спиноза и три «Этики» // Делёз Ж. Критика и клиника / Пер. с фр. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. С. 195).

человека. «Режим насилия образуют негласные нормы и гласные коды, которые начинают, продлевают или завершают насильственные действия, характерные для конкретной социальной системы» (с. XVI). Протеви рассматривает насилие не как реализацию хаотического деструктивного импульса, противопоставленного социальному порядку, а как способ воплощения этого порядка в действии. Государственное и «частное» насилие в этом контексте функционируют по одинаковому принципу и выполняют одинаковую роль в производстве субъективностей в обществе. Режимы насилия многообразны и реализуются в самых разных масштабах — охватывают индивидов, семьи, социальные группы, целые государства или, в случае войны, сразу несколько государств.

Реализация режима насилия на практике тесно связана с аффективными идеологиями, «психологическим компонентом режима насилия» (с. 30). Это совокупность эмоциональных предрасположенностей, которые позволяют осуществлять акты насилия, преодолевая торможение, вызванное эмпатией по отношению к тому, на кого это насилие направлено (с. 44–45). Протеви хочет показать, что идеология включает в себя не только набор ошибочных мнений, но и определенные эмоции-триггеры, запускающие и окрашивающие собой многие социальные взаимодействия. Поэтому исследование режимов насилия должно сопровождаться исследованием тех аспектов аффективного производства, которые обеспечивают практическую реализацию этих режимов насилия.

Таков в общих чертах проект политической антропологии, изложенный в книге Протеви; рассмотрение режимов насилия позволяет ему показать, как формируется социальное и политическое поле для «ленивых, жестоких и примитивных» человеческих субъектов и как оно может быть преобразовано в направлении от «войны всех против всех» к кооперации и взаимно утверждающей политике радости. Для осуществления этого проекта Протеви собрал восемь тематически связанных эссе, распределив их по четырем разделам (по два в каждом): «Политическая жизнь», «Политическая психология», «Политическая антропология» и «Политические события». Эссе сходны по композиции, стилю и даже объему. Как правило, автор начинает с обсуждения общетеоретических проблем, прибегая при этом к философии, психологии и наукам о жизни, а затем применяет свои идеи к анализу частных случаев — эмоциональных режимов рабовладения в Америке, способа бытия футбольной команды, захвата Капитолия сторонниками Трампа и др.

«Делёзианский диалект» теории аффекта, который нередко производит перегруженные аллюзиями тексты с запутанными синтаксисом и композицией, в случае Протеви выражается в ясном, хорошо организованном изложении, которое менее доброжелательные читатели могли бы назвать упрощенным. Большинство понятий получают определения, большинство тезисов обоснованы логически или подкреплены ссылками на источники. Структура эссе четко обозначена информативными подзаголовками. Все это существенно облегчает навигацию по книге и осмысление прочитанного.

В первой части книги (эссе «Природа человека» и «Аффективная идеология») автор развивает «биокультурный» подход к проблеме природы человека, сочетающий в себе, во-первых, умеренный социальный конструктивизм, то есть представление о том, что врожденные способности человека развиваются через социализацию, которая сама стала результатом эволюции, во-вторых — модифицированный социологический функционализм, предполагающий, что механизмы социального воспроизводства могут меняться и обновляться, и в-третьих — антипрогрессизм в отношении социальных формаций, то есть предположение, что человеческие сообщества не обречены на жизнь в государствах и что последнее не является конечной целью

социального развития. К этим идеям тесно прилегают понятие просоциальности — врожденной предрасположенности людей к когнитивному и эмоциональному вовлечению в социальное взаимодействие и его воспроизводство (с. XI–XII).

В эссе о природе человека Протеви опирается на описанный подход и современную антропологическую литературу, чтобы показать, что конфликт и конкуренция играли меньшую роль в эволюции человека, чем взаимопомощь и кооперация. Автор отмечает, что антропологи часто недооценивают роль радости в эволюции человека и это приводит к описаниям ранних этапов развития человека, напоминающим гоббсовскую войну всех против всех. Насилие, по мнению Протеви, всегда сопровождало человека, но его применение могло регулироваться режимами, которые поощряли не конфликт между изолированными «стаями», а насильственные действия в отношении тех, кто разрушает связи внутри обширной сети сообществ, объединенных взаимопомощью, постоянно делящихся друг с другом едой.

Эссе об аффективной идеологии показывает, что функционирование режимов насилия связано с развитием потенциалов просоциальности посредством системы обучения и тренировки, которая задействует когнитивные и аффективные процессы, осуществляющиеся на доиндивидуальном уровне. Критикуя традиционное представление об идеологии как о наборе ложных убеждений, Протеви формулирует проект политической философии сознания, которая должна раскрыть механизмы формирования субъекта как результат социальных и соматических практик, охватывающих когнитивный и аффективный уровни. Комментируя анализ работладельческих практик в Америке, проведенный философом Джейсоном Стенли в книге «Как работает пропаганда» (2015), Протеви показывает, что идеология комбинирует убеждения с аффектами для того, чтобы обеспечить кристаллизацию и реализацию режимов насилия.

Вторая часть посвящена анализу конкретных психологических механизмов, демонстрирующих особенности функционирования режимов насилия. Протеви опирается на два во многом полярных случая: неистовую ярость (*berserker rage*) и командный дух. Первый случай связан с контекстом современных войн, второй — с командным спортом, футболом, который Протеви трактует как минимально насильственную форму активности, где конфликт тесно связан с кооперацией и ее радостным аффективным фоном. Рассматривая неистовую ярость (вспышку неконтролируемого гнева, сопровождающуюся насильственными действиями), автор показывает, что исторически даже самые радикальные, не поддающиеся сознательному контролю проявления агрессии могут встраиваться в социальные практики и соответствующие им режимы насилия. В контексте «американского имперского режима насилия» (с. 51) такие формы ярости считаются недопустимыми; существует сложная система кодов, которая направлена на их минимизацию, и это делает исследование неконтролируемых вспышек гнева, приводящих к прямому насилию, одним из способов анализа режимов насилия. Анализируя нейрофизиологию неконтролируемой ярости, Протеви показывает, как этот аффект развивается на фоне амнезии, раскалывающей субъективность действующего человека. Эту физиологическую модель он накладывает на показания Роберта Бейлса, американского солдата, который в 2012 г. в Афганистане, охваченный неконтролируемой яростью, убил шестнадцать человек. Протеви пишет, что в случае с Бейлсом субъект действия не дан изначально. Поскольку Бейлс не помнил, что чувствовал и делал во время эпизода неистовой ярости, постольку он реконструировал свою субъективность постфактум, опираясь на сторонние свидетельства. Можно заключить, что «американский имперский режим насилия» поощряет индивидуацию акторов насилия, поскольку этого требуют механизмы назначения ответственности и исполнения наказаний.

В следующем эссе автор полемизирует с представлением о спорте как о сублимированном насилии. Напротив, пишет он, минимизация насилия во многих видах спорта позволяет открыть возможности для взаимного повышения способности человеческих тел к действию и для проживания радости. Ключевыми понятиями здесь выступают «реляционная автономия» и «коллективная интенциональность». Первое описывает такой род отношений, который повышает автономность и активность тех, кто в них вступает, а второе отсылает к способности группы людей разделять ментальные состояния (намерения, цели, убеждения), которые являются нередуцируемо коллективными. Интерпретируя с их помощью эпизод из Чемпионата мира по футболу среди женщин 2011 г. (а именно — гол Меган Рапино и Эмми Уомбак в четвертьфинале), Протеви показывает, что совместную деятельность людей можно трактовать за пределами методологического индивидуализма — представления о независимых, единичных субъектах, взаимодействующих с миром через репрезентацию и калькулирующее мышление. Футбол становится примером совместной активности, которая благодаря минимизации насилия обеспечивает возможности для взаимного усиления способности к действию.

Связь эссе из второй части с основной темой «Режимов насилия» кажется несколько натянутой; вероятно, они вошли в книгу просто из-за желания автора опубликовать их. Впрочем, они полезны в качестве удачных и информативных примеров междисциплинарного анализа аффекта. А вот третья часть связана с исследованием аффектов слабее остальных. Здесь речь идет о процессах образования государства и отношениях между людьми, встроенными в государство и находящимися за его пределами. Эссе «Государствление» (*Statification*) и «Маронство» (*Marronage*), объединенные темой отношений сообществ беглых рабов (маронов), комментируют и расширяют идеи Делёза и Гваттари о возникновении и образе действия государства. В первом эссе Протеви опирается на делёзианскую концепцию государства как машины перекодирования и аппарата захвата¹⁴, чтобы обосновать позицию антипрогрессизма в отношении социальных формаций, завяленную во Введении. Анализируя эндогенные и экзогенные факторы формирования государства, Протеви показывает, как режимы насилия, связанные с государственным аппаратом захвата, сталкиваются с режимом насилия машин войны¹⁵, которые конструируют сообщества, ускользающие от государствления. Центральный пример — сообщества маронов, которые, по мнению Протеви, не вписываются в делёзианскую дихотомию примитивных и государственных обществ и образуют особый социальный тип, выступая в качестве «предпринимателей насилия», переносящих режимы насилия из одного общества в другое и извлекающих из этого выгоду. В следующем эссе автор углубляет анализ фигуры марона и феномена маронства, рассматривая режимы насилия маронов и плантаторов-рабовладельцев как взаимосвязанные формы бытия государственных и внегосударственных сообществ. «Институционализированный терроризм» (с. 116) рабовладельцев учреждает плантацию как микрогосударство, подчиненное практически неограниченной власти плантатора, и одновременно открывает для рабов возможности бегства (в терминологии Делёза — «линии ускользания»). Анализируя режимы насилия маронов в контексте географии и ландшафта, Протеви приходит к выводу, что фигура марона становится обобщенным символом сопротивления в современном мире.

Наконец, в четвертой части автор возвращается к сложным отношениям аффективных идеологий и режимов насилия. Соединяя подходы философии, антро-

14 См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я.И. Свирского; под науч. ред. В.Ю. Кузнецова. М.: Астрель, 2010. С. 717–804.

15 См.: Там же. С. 587–716.

пологии и когнитивной науки, он анализирует два политически окрашенных события: захват Капитолия сторонниками Трампа в 2021 г. и смерть афроамериканской медсестры Шенетты Уайт-Боллард, работавшей в доме престарелых во время ковидного карантина. В эссе «Вторжение в Капитолий» архитектура и символизм Капитолия трактуются как совокупность «политических аффордансов», которые, взаимодействуя с аффективной идеологией сторонников Трампа, провоцировали неожиданные действия и телесные аффекты. Для обсуждения такого предмета Протеви предлагает методологию «философских case-study» (с. 128–130), которые, в отличие от мысленных экспериментов, направленных на выявление необходимых и достаточных условий феномена, проясняют конкретные проблемы на пересечении множества (политических) потенциалов и их реализаций. Центральным эпизодом в анализе становится молитва активиста Джейкоба Чейнсли (*QAnon Shaman*) в зале Сената. Автор показывает, как архитектура и интерьер определяют аффективный фон и политический символизм большинства действий Чейнсли и других активистов, участвовавших в молитве.

Далее Протеви анализирует неолиберальную логику финансиализации (*financialization*), которая определила жизненную ситуацию необходимых работников (*essential workers*) во время ковидного карантина. Уайт-Боллард, как и многие другие, была поставлена перед выбором: продолжать работать во время пандемии или столкнуться с финансовыми трудностями после увольнения. Автор отмечает, что неолиберальная биополитика интерпретирует рабочую силу как своего рода капитал, нуждающийся в инвестировании и управлении рисками, и, соответственно, во время карантина множество американцев предпочли ликвидировать риск обнищания, взяв на себя риск болезни или смерти. В случае Уайт-Боллард этот выбор определялся и аффективным компонентом — этикой и практикой сестринской заботы в доме престарелых. Присутствует здесь и расовое измерение. Привлекая понятие износа (*weathering*), то есть ускорения биологических процессов старения у афроамериканцев вследствие хронического стресса и расистского социального фона, Протеви описывает «политическую физиологию» (с. 151), приведшую Уайт-Боллард к скоростной и преждевременной смерти.

Книга «Режимы насилия» охватывает широкий спектр тем, подходов и источников, связанных с аффективным полем, в котором осуществляется насилие в современных и исторических обществах. С этой широтой охвата связаны некоторые недостатки книги. Один из них отмечает сам Протеви: небольшой объем не позволил подробно изложить использованные идеи и теории (относящиеся к культурной и биологической антропологии, психологии, биологии, медицине, когнитивистике, философии и т.д.) и развернуто возразить оппонентам. Отчасти это компенсируется обширными примечаниями и списком литературы, и все же выбору той или иной используемой теории часто недостает обоснования. Кроме того, чтение большинства эссе оставляет после себя ощущение незавершенности. Как правило, кульминацией каждого из них становятся обсуждение конкретного случая и утверждение, что затронутые перед этим теории и концепции действительно иллюстрируются этим примером. При этом, однако, политическая заостренность и социальная значимость рассматриваемых случаев требуют мощных теоретических и практических выводов.

«Режимы насилия» заслуживают внимания как собрание идей, открывающих доступ к исследованию взаимосвязей телесности и политики через посредство чувственности и аффективности. В практическом плане размышления автора о политике радости могут стать основанием для тактик кооперации на уровне отдельных тел и их сообществ. Продлевая делёзианскую линию аффективного поворота, Протеви осваивает предметные сферы, находящиеся за пределами феноменологии

(до)индивидуальных переживаний, и предоставляет возможности для рассмотрения аффекта в контекстах процессуальной трактовки природы, общества и их совместного конституирования.

Нельзя не отметить и жизнеутверждающий тон этой книги, посвященной насилию. В самом начале Протеви предвосхищает критику своей работы за идеализированное восприятие человека, излишнюю оптимистичность или руссоизм (с. 3, 23). Но, думается, работа по перехвату концепции природы человека у общераспространенных дискурсов, касающихся необходимости строгой иерархии и всеобщей конкуренции, проделана им весьма грамотно. Предложенный путь к политике радости проходит не через восторженный волонтаризм и жажду положительных преобразований социальной действительности, а через эмпирические данные и научные теории. Даже биологические обстоятельства нашего существования оставляют место для кооперации и взаимного утверждения, о чем и напоминают нам «Режимы насилия» Протеви.

Земфира Саламова

Аффект в исследованиях цифровых практик

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_329

Affective Formation of Publics: Places, Networks, and Media /

Ed. by M. Lünenborg, B. Röttger-Rössler.

London; New York: Routledge, 2024. — XX, 307 p. — (Routledge Studies in Affective Societies).

Affect in Fandom: Fan Creators and Productivity /

Ed. by D. Ciesielska, N. Lamerichs, A. Zarzycka.

London; New York: Routledge, 2025. — 289 p. — (Transmedia).

Многие из концепций, выработанных теорией аффекта в конце 2000-х — начале 2010-х гг., востребованы при изучении цифровых практик и явлений. Так, понятие «аффективный труд» используется исследователями социальных платформ и блогерской активности¹. Применяется и введенный Сарой Ахмед термин «аффективная экономика», например в работах о том, как цифровизация изменила отношения потребителя с модными трендами². С одной стороны, цифровые взаимодействия явно далеки от лежащих в основе теории аффекта встреч тел (человеческих

1 См., например: *Baker S.A., Rojek C. Lifestyle Gurus: Constructing Authority and Influence Online. Cambridge: Polity, 2021.*

2 См., например: *Крепакс Р., Лю М. Аффективные модные тренды: эстетические и цифровые аффекты: от ностальгии к дополненной реальности // Теория моды. 2025. № 75. С. 372–401.*